

Михаил Каменецкий

ОТКРОВЕНЬЕ ОБУГЛЕННЫХ ЛЕТ

АО «Воронежская областная типография»

Воронеж

2021

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)6-5
К 18

Издание осуществлено при финансовой
поддержке Департамента культуры
Воронежской области

К 18 Каменецкий М.М.
Откровенья обугленных лет. Стихи. –
Воронеж: АО «Воронежская областная
типография», 2021. – 96 с.

Михаил Каменецкий – автор двенадцати поэтических сборников и повести о военном детстве «Я умру пацаном». Память о войне, что прошла «навывлет – сквозь детство моё», о недетских испытаниях, выпавших на его долю, радость общей Победы, боль потерь и «людского хлеба крохи на праведных весах добра» – главная тема писателя.

В книгу «Откровенья обугленных лет» вошли стихотворения разных лет, посвященные Великой Отечественной войне, личному осмыслению этого общенародного исторического события.

ISBN 978-5-4420-0891-3

© Каменецкий М.М., 2021

* * *

Как бы добра ко мне жизнь ни была,
детства беда, мы с тобою не квиты.
Крепко, как в тело живого ствола,
годы войны в меня пулями вбиты.
Сколько отметили вёсен грачи,
сколько станиц проводил я в дорогу...
Пули – под сердцем. Не могут врачи
боли унять и извлечь их не могут.

Я УМРУ ПАЦАНОМ

Я умру пацаном –
надо мной будет старость не властной...
Хоть в негаданный день
меня всё же достанет война
всем голодным житьём
той поры похоронок напастной,
всею тяжестью пуль,
что в меня посылала она.
И, когда упаду,
надо мной на утратной дороге
станут пологом кроны
родных вековых тополей
и в далеких краях,
обложной откликаясь тревоге,
вдруг заноят сердца
у детдомовских старых друзей.
Дочерей попрошу:
– Не кропите вы след мой слезами...
Безутешной велю:
– В чёрный креп не рядись ты, жена...
Плоть отдайте земле.
А душе – не расстаться с годами,
где «Прощаньем славянки»
перроны звучат дотемна.

Там – разор и беда,
и нехватка тепла и продуктов,
наша вера в Победу,
что смает напасти тавро.
И пребудет она
на плацу, где кривой репродуктор
громыхает сквозь век:
– От Советского информбюро!
1985

За прозрачным перелеском
в свете гаснущего дня
голоском негромким детским
окликает даль меня.
Из глуши провинциальной
тех, давно ушедших лет,
кто зовёт меня печально
и бредёт за мною вслед?..
Позабытый непривычен
этот тонкий голосок..
Кто меня из детства кличет,
чей пришёл свиданья срок?
Может, этот, что с пригорка
машет бледною рукой,
мой дружок, что был зачёркнут
пулемётною строкой.
Может, та, что звали Олей,
от детдомовских ворот
через жизнь, как через поле,
всё зовёт меня, зовёт..
Или хмурый, одинокий
у осеннего жнивья
через все земные сроки
окликаю сам себя.

Где вы все, кого я встретил
в детстве горестном моём?..
Это ветер, стылый ветер
разговор ведёт с быльём.

1989

МНЕ БЫ В ДЕТСТВО...

Мне бы в детство – хотя б ненароком,
что в мои возвращается сны,
где звучат, неподвластные срокам,
всенародные песни войны...

Где венчает над улочкой пыльной
на столбе репродуктор кривой
будни вдовьей, сиротской, двужилной –
похоронками, горем обильной –
всё познавшей страды тыловой.

1993

* * *

Всё, что было когда-то,
я забыть не могу.
Весь я – в веке двадцатом,
на другом берегу.
На суровом, неблизком,
том, что горек и мил.
Где гранит обелисков
у солдатских могил.
Никуда мне не деться,
не уплыть, не уйти.
Там прописано детство
у начала пути.
Неподкупный мой берег –
даль торжеств и потерь.
Теми мерками мерю
все дела я теперь.
Вижу с горечью едкой:
и вблизи, и вдали –
сколько тех, с кем в разведку
на войне б не пошли.

1993

ПОЕЗД ПАМЯТИ МОЕЙ

От вокзалов современных
он отходит, поезд тот –
год за годом, без отмены,
без билетов и без льгот.
Жизнь прошла,
а в нём – всё то же
под колёсный перестук:
ожидание бомбёжек,
детский плач, тоска разлук.
Кипяток на остановках,
печки – в ведрах костерки,
холод, жидкий суп в столовках,
сводки, карточки, пайки...
Не составлен график точный,
городам потерян счёт.
Он не скорый – неурочный...
Паровозик худосочный
знай пыхтит себе – везёт
наш состав, не раз горевший,
через сутолоку дней,
и спасавший нас, и гревший
поезд памяти моей...

1993

При керосинке в спальне стыллой,
под сны измаянных мальцов
мне вдруг поэзия открыла
своё прекрасное лицо.

Над промерзающими днями
послевоенного житья
она весенними цветами
взошла и увела меня
от запаха еды и пота
в мир незнакомый, где ждала
души нелёгкая работа –
познание добра и зла.

И быт неласковый, вперяя
в меня свой взгляд,
не знал сперва,
что на меня уже теряет
свои недолгие права.

1959

НАЛЁТ

Под очередями пулемётов
беззащитен поезд на мосту.
Гулкие разрывы меж пролётов
всколыхнули глубь и высоту.
Но, пока зловеще эскадрильи
бомболожков чёрных не раскрыли,
гибели навстречу детвора
выплеснула дружное «Ура!»
Помня довоенные парады,
были дети самолётам рады...
Даже кровь не смыла до конца
Эту радость с детского лица.
1960

ВАЛЬС

На шумной хмельной вечеринке
под кровлей родного угла
танцует на старой пластинке
видавшая виды игла.
По диску скользит, как цыганка,
свои совершая круги...
Мне вспомнилось: пыль полустанка,
бинты, котелки, сапоги.
Плывёт над откосом к опушке
на йоде настоящий стон...
А в полусгоревшей теплушке
разбитый хрипит патефон.
Звучит, безмятежности полный,
тот вальс, что слышали стократ.
И плещут «Дунайские волны»
в небритые лица солдат.
В вагонах и жарко, и тесно...
Войны ещё – край не почат.
Что каждого ждёт – неизвестно,
но слушают все и молчат.
И веет таким довоенным
доверчивых нот волшебство,
что плачем души откровенным
нельзя удивить никого...

САНИТАРНЫЙ ЭШЕЛОН

Завьюженный перрон.
И в снежной паутине
запутался вагон
среди промёрзших линий.
Бьёт свет в глаза в упор,
и в глубине вагона
лежу, ни жив, ни мёртв,
на операционном.
Вся в белом военврач
иголкой ноги колет.
Не чувствую, хоть плачь,
ни холода, ни боли.
Вокруг – врачей кольцо,
а за кружком халатов
лишь мамино лицо
плывёт, белее ваты...
Мне помнится, как сон,
тот зимний санитарный
военный эшелон,
почти что легендарный,
что, стоны затая,
ждал, надо мною сжалась,
пока судьба моя
в молчании решалась.

1964

Я НЕ ЗАБУДУ ТЕ ЛАДОНИ...

Наш поезд во поле глухом
застрял на полпути к Балхашу.
Под вечер на былье сухом
мать в чугушке варила кашу.
Был сорок первый год.
Война!
В теплушке побывав соседней,
старухе отдала она
за горсть пшена платок последний.
Кипело варево уже –
ждать было невтерпёж его нам, –
когда протяжно по меже
крик покатился: – По вагона-ам!..
Был резким поезда рывок.
И, заметавшись среди гама,
вдруг голыми руками мама
с огня схватила чугунок.
Крик боли рот перекошил!
Но с этой ношей раскалённой
она бежала, что есть сил,
за вереницею вагонной...

Мне помнить до последних дней
ладони с обожжённой кожей –
не Божьей матери, не Божьей –
а бедной матери моей...

1965

КОРЫТО

В войну не строили хором...
В пятилинейном полумраке
мы жили в длинном и сыром,
пропахшем плесенью бараке.
И в нём встречали сообща
все наши радости и беды.
Делились котелком борща
и ожиданием Победы.
И список был на бабью рать
гвоздём к стене прибит открыто:
когда какой солдатке брат
для стирки общее корыто.
Давно забылись дни войны,
приметы жизни той артельной...
Теперь квартирою отдельной
мы от других отдалены...
И накрепко закрыта дверь.
К соседским бедам сердце глухо.
И отзвуки чужих потерь
нам нынче не тревожат слуха...
Когда не разглядеть никак
живых людей за чадным бытом,
я вспоминаю наш барак
с единственным на всех корытом.

1965

ФРОНТОВЫЕ ПЕСНИ

На рынке меж торговых точек
перед толпою пострелят
солдат про синий пел платочек,
про пули, что в степи свистят,
про смерть, что ходит рядом где-то,
вгрызаясь в белые снега,
и что бойцу до смерти этой
четыре лишь всего шага...

В посёлке с титулом районным,
где тыловое шло житьё,
нам, голодухой изнурённым,
не дальше было до неё.

Но каждой песни той военной
нас волновал напев святой...

И вся гармония Вселенной
жила в гармонике простой.

1966

ВЕСЫ ДОБРА

Мне хлеб тот снился по ночам.
И сны забуду я едва ли...
Его по карточкам давали,
и на счету был каждый грамм.
Я у прилавка до конца,
дыханьем руки согревая,
ждал –

 по велению продавца
 подол рубахи подставляя.
И самым радостным был миг
священнодействия – не кормёжки,
когда он от щедрот своих
в подол вытряхивал мне крошки.
Не помню многих я сейчас,
тогда со мною рядом бывших.
Простите, что забыл я вас –
меня жалевших и любивших.
Но, словно видел лишь вчера,
я помню грозный час эпохи
и те людского хлеба крохи
на праведных весах добра.

1960

ЗИМОЙ 1942 ГОДА

Зимним вечером песнь-печальница
зазвучит знакомо:

«Эх, начальничек, эх, начальничек,
отпусти до дому»...

Песня давняя, позабытая.

Днём мы в строй вставали.

«Кони сытые бьют копытами!» –
на плацу певали.

Но душа-то стремится чаечкой
к давнему, родному.

«Эх, начальничек, эх, начальничек,
отпусти до дому»...

Дом сгорел за войною дальнею.

«Чёрный ворон грает...»

Позабытая песня в спальне нам
душу разрывает.

Снова память – кипящий чайничек,
обожжёт бедою.

«Эх, начальничек, эх, начальничек,
отпусти до дому!»...

1964

ОБМАН

За яблоко избили пацана
мешочники с воловьими глазами
в голодный год, когда была война.
В детдоме с Колькой были мы друзьями.
И на кровати спали с ним одной,
ногами врозь, как говорят, «валетом».
Лишь деревянный столбик со звездой
остался на земле тем жарким летом.
А с фронта письма присылал отец...
Своей жестокой не открыв печали,
собрав тепло мальчишеских сердец,
солдату мы за Кольку отвечали.
В обмане том не чувствуя вины,
в своей мы не раскаялись затее...
За сыном не приехал он с войны.
Пришло письмо: погиб в боях на Шпрее.

1967

ПОБЕДНАЯ ВЕСНА

Из вёсен былых, что природа
дарила мне, датой одной –
пора сорок пятого года
останется лучшей весной.
Сгоревших вокзалов перроны...
Цвет крашенных флагов – пунцов...
Везли и везли эшелоны
с войны победивших отцов...
Голодных мальцов голопятых
и жён прижимая к груди,
как верили свято солдаты,
что счастье их ждёт впереди!
Полвека успело промчаться...
– Всё меньше вас, фронтовики.
Но как далеки вы от счастья.
Как мы от него далеки...

1968

РОЖЬ 45-ГО ГОДА

Ещё недавно было полем боя
то поле у откоса полотна,
где, отступив подобием прибоя,
железный лом оставила война.
В воронку сползши, замер танк крестатый,
на зверя допотопного похож.
И рыжую победный сорок пятый
из-под него взметнул, как пламя, рожь.
Она сквозь плоть его упрямо лезла,
из всех щелей усами поводя.
И плавился хвалёный сплав железа,
и распадался, в землю уходя.
Не знаю, рожь ли своего добилась
иль доконали ветер и вода...
Сталь, сеявшая гибель, растворилась,
в посеве жизни сгинув навсегда.

1960

ПРИЗНАНИЕ

Горько, да куда от правды деться –
то беда моя, а не вина.
Не слыхал о Пушкине я в детстве –
в детстве у меня была война.
Скудный быт барачного подворья,
восковые лица у перил...
И учёный кот из Лукоморья
вещих сказок нам не говорил.
Но нагрянул май в победных маршах,
и в детдом явилась налегке
Таня – воспитательница наша –
с обгоревшим томиком в руке.
Как читала, блеск явив таланта,
Пушкина ватаге озорной
та девчонка в званье лейтенанта
с чуть зажившей раной сквозной!

1961

ВОТ ВРАГА МЫ ПОБЕДИЛИ

Вот врага мы победили,
вот окончилась война.
По домам пошли солдаты,
наступила тишина.
Приезжали офицеры –
портупей, ордена.
Приходили рядовые –
гимнастёрка солона.
И слезами, и тальянкой
их встречала, как могла,
Русь на малых полустанках
за околицей села.
Всех встречала, величала
и сажала за столы
в старых хатах обветшалых,
где с иконами углы.
И к парнишкам-перволюбам,
и к седым бородачам
бабьи руки, бабьи губы
прикипали по ночам.
И, когда прошла в угаре
радость праздничной поры,
взялись мужики и парни
за лопаты, топоры.

Рук тоскующая сила
заиграла – сотен тыщ.
И пошла расти Россия
из руин и пепелищ.
Из бывшего лихолетья
поднялась она трудом.
И пошли рождаться дети
в свой черед в сорок шестом.
Жизнь вершилась полной мерой
с песней радости в груди,
с болью памяти и с верой
в то, что счастье – впереди.

1967

Этот с давних лет детдома
запах мне знаком.
Пахло прелою соломой,
конским кизяком,
серой пылью, на просёлке
севшей на спорыш.
Шумом тополей высоких
нарушалась тишь.
Стриженные «под нулёвку»,
мы из-под руки
в степь глядели. В Федоровку
шли фронтовики.
В вылинявших гимнастёрках,
в пыльных сапогах,
уцелевшие в жестоких,
яростных боях.
Шли дорогой с Иловайска,
их народ встречал.
И детдомовец наш Васька
радостно кричал.
Не забыть мне полных счастья
мокрых глаз мальчика.
И сведенные запястья
на плечах отца.

Но в степные глядя дали,
двое из троих –
понапрасну ожидали
мы отцов своих.

1967

ПОСЛЕВОЕННОЕ

Безногий – пополам почти –
солдат, прижат к ларям,
хвалил на рынке лампочки
к трофейным фонарям:
– Лампадки знаменитые!..
Рупь штука, пацаны.
Тем, чьи отцы убитые,
отдам за полцены...
Хвативши самогоночки,
на роликах скользя,
бубнил, съезжая с горочки:
– Нет, братцы, так нельзя...
У старой поликлиники
раздумывал в пыли:
– Весь день – одни полтинники...
Какие там рубли...

1969

* * *

Возвратились порохом пропахшие.
Не вернулись без вести пропавшие
из Москвы и Нижнего Тагила,
в безымянных спящие могилах,
утонувшие во мраке ночью,
минами разорванные в клочья
или в танках факелом сгоравшие...
Не вернулись без вести пропавшие.
Не запомнила имён История
тех, что пеплом стали в крематориях.
И не встретить поимённо в святцах
всех, замученных на **апельплацах**.
Всенародно чтим и помним павших,
но обходим без вести пропавших
из боязни – мост доверья тонок –
может, он предатель и подонок.
Только в праведность любимых веря,
женщины, надежды не теряя,
ждут, когда уходит, догорая,
осень и зима роняет перья.
Ждут глухою ночью, утром ранним
не пришедших, где-то прахом ставших,
обойдённых славой и вниманьем.
Ждут родимых, без вести пропавших.

Вдруг из той безвестности унылой
доберётся в сумке почтальона
имя, возвращённое могилой,
павшего в атаке батальона.

И промолвит женщина седая:
– Вот и отыскался, слава Богу!

И, впервые хату покидая,
соберётся в дальнюю дорогу.

1970

ПОМЕРЛА У НАС БАБА ЕЛЕНА

Наша старая прачка Елена
в ночь под сорок седьмой померла
на лежанке своей неизменной –
тёплой крышке печного котла.
В нас, детдомовских, жестче и дольше
догорали военные дни.
Оттого, что была из «фольксдойче»,
мы войну ей простить не могли.
Мы её изводили, бывало, –
была каждая выходка зла.
А она рубашонки стирала
и наш двор по ночам стерегла.
И жила в тёмной прачечной скудно:
без семьи, без квартиры и льгот.
И с улыбкой печальной и мудрой
всё терпела, твердя: – О, майн готт!..
На рассвете застывшую бабку
сгрёб, пригнувшись в проёме сеней,
конюх дядька Гаврила в охапку
и сквозь строй наш пронёс до саней.

И впервые тогда от рожденья
зимним утром в ребячьей толпе
запоздалую боль непощенья,
как беду, ощутил я в себе.

1972

НЕ ТОЛЬКО О ХЛЕБЕ

Мы жили не единым хлебом,
хоть был всего главнее он —
тот хлеб, что под военным небом
усердьем бабьим был возвращён.
И оттого, что выдавали
по скудной пайке нам его,
мы цену многому узнали,
помимо хлеба самого.

1973

ТЕПЛУШКА

Словцо-то какое – «теплушка»!
Я сросся с ним плотью живой...
Пайкового хлеба горбушка,
скрип нар над моей головой.
В ведёрке, тая осторожно,
свечи боязливый росток,
качаясь и денно, и ночью,
спешила она на восток.
Вагонов непрочные звенья
связуя с моею судьбой,
на дымных путях отступленья
меня прикрывала собой
от холода, зноя и пули,
делила и страх, и беду
в горящем, как порох, июле,
в оглохшем от взрывов году.
По целому свету рассеяв
солдат своих и детвору,
стоит в тупиках... Вот в музеях
поставить бы, как на смотрю.
Чтоб рядом и с танком, и с пушкой
под сенью победных знамён
походная встала теплушка
как память бессмертных времён.

1976

СЕМЕНА ВЯЗА

Запомнились семечки вяза...

А. Жигулин

Повисли семена на вязах.
В послевоенные года
мы в закрома ребячьих пазух
ссыпали, помню, их всегда –
зеленоватые кругляшки,
безвкусно скользкую еду...
Но не были они нам тяжки –
мы знали жмых и лебеду.
В край детства не берут заказа,
где каждый горек день и свят...
Туда одни монетки вяза,
как искры памяти, летят.
Гляжу вослед –
и нет печальней
минуты этой раз в году...
Как будто из округи дальней
забытых слов иль писем жду.

1978

КАРТОШКА

И сказал я жене:
– Отложи черпаки-поварёшки
и в литом чугуне
навари нам в мундирах картошки.
Принеси его в срок,
будто снят с догорающих былок.
И свершится зарок...
Не давай ни тарелок, ни вилок,
ни маслѐнки не ставь,
не клади нам ни хлеба, ни соли...
Снова прошлое – въявь:
чугунок, словно холм в чистом поле.
Сядьте, дочки мои
и жена моя. Вечером ранним
всех, от голода павших
на прошлой войне, мы помянем.
По картошке возьмѐм,
что не сдобрена маслом и солью,
будто в детстве моѐм...
И откликнется день старой болью...
В том бараке сыром,
где во рту двое суток – ни крошки,
мы хватали её,
обжигая нутро и ладошки.

И последней со дна
мать со всеми делилась устало...
Что ж ты плачешь, жена?
Ты ведь этой войны не застала...
1978

БАЗАРНЫЕ КОВРИКИ

Пейзажи ковриков базарных
послевоенных бедных лет,
мазилок вовсе не бездарных...
Давно уж их в помине нет.

Но эти лебеди, русалки,
кувшинки на стекле пруда
и красны девицы у прялки
мне будут помниться всегда.

Там было с красотой не густо
по тем голодным временам.
И примитивное искусство
убогим не казалось нам.

Шумел народ среди разрухи.
И каждый раз в базарный день
толпились у «картин» старухи
из самых дальних деревень.

И жили, вовсе не подёнки, –
был ими детства быт согрет –
полотна эти на клеёнке
в домах по два десятка лет.

Ах, те пейзажи! Искушение
уйти от горькой яви дней
в тень рощ, куда влекло скольжение
воды и белых птиц на ней.

В тот, ожиданию созвучный
мир грёз и радостных затей,
загадочный, благополучный,
без слёз, увечий и смертей.

1979

Пристань далёкого детства –
милый родной городок.
Там во дворе по соседству
девичий плыл голосок.
К тем несмолкающим звукам
ты, моя память, причаль...
«Жёлтая роза – разлука,
белая роза – печаль».
Жаркое лето в начале,
что обернулося вдруг
летом великих печалей,
летом жестоких разлук.
Жизни суровой наука...
Истине не прекословь:
«Жёлтая роза – разлука,
красная роза – любовь».
Нет здесь веселию места,
дни сиротливо тихи...
Не возвратились к невестам
с прошлой войны женихи.
И в одиночестве – мука,
юной поры пастораль:
«Жёлтая роза – разлука,
белая роза – печаль».

1980

ПЕРВЫЕ СТИХИ

На рабочем дворе
под мычанье коров
я стихи свои прятал
в поленнице дров.
Там я плакал по-детски,
тетрадь не найдя,
возле соломорезки
под всхлипы дождя.
И жеребчика Орлика,
с делом знаком,
запрягал я
и трогался за молоком.
По булыжнику звонок
был цокот копыт...
Старый двор
наш детдомовский
тайну хранит,
где истлела бумага,
осыпав слова,
и взошла по весне
молодая трава.

1981

* * *

Детством овладевшая моим,
мне эпохи музыка знакома.
Был «духовной жаждою томим»
я с военных, давних лет детдома.
Стриженный и неказист на вид,
босоногий, как братва лихая,
был я всё же странный индивид,
коллективом не пренебрегая.
Как и все, свиарник убирал,
сечку резал, делал табуреты.
Но столбом внезапно замирал,
«Периколы» слушая куплеты.
И один в вечерней тишине,
поступаясь ужином, как платой,
пред тарелкой чёрной на стене
упивался «Лунною сонатой».
Был закон детдомовский суров:
будь, как все, чтоб не терпеть конфуза...
В схроне за поленницею дров
мне являлась худенькая муза.
Прятал за дровами я «грехи»
и по-детски плакал там, не скрою,
где истлели первые стихи,
по весне не найденные мною.

1982

* * *

Забудутся любые имена –
останутся навеки обелиски.
Хранит у сердца своего страна
посмертные имён солдатских списки.
Крутую правду века без прикрас,
литуую в бронзе, выбитую в камне,
она им, как святыню, передаст
тем, что придут с грядущими веками.
В мир, навсегда покончивший с войной,
те имена войдут повествованьем,
какой он завоёван был ценой,
какою кровью и каким страданьем.

1982

ВОЕННЫЕ ОРКЕСТРЫ

У военных оркестров судьба
неразрывна с судьбою народной.
Вот опять заиграла труба,
завучала тревогой походной.
И валторны изогнутый стан
ей печальным откликнулся звуком.
И вослед застучал барабан
эшелонных колёс перестуком.
Уходили отцы на войну
под прощальные марши и плачи.
Шёл оркестр впереди, лишь одну
путь-дорогу для всех обозначив.
И, суровой поры пацаны,
за колонной бежали мы следом,
той жестокой не зная цены,
что заплатит страна за Победу...
Ликованье и песни окрест.
Май. Цветущие ветки прогнулись.
Как гремел в сорок пятом оркестр!..
Только наши отцы не вернулись.

От морщин материнского лба
начиналось взросление наше...
У военных оркестров судьба –
боль и радость живут в каждом марше.

1985

ДОВОЕННЫЕ ФОТОГРАФИИ

Довоенных фотографий
полусумрачный овал.
След недолгих биографий,
что внезапно оборвал
сорок первый – злобной силой,
взрывом, вздыбленной землёй,
безымянною могилой,
затянувшейся петлёй...
Глаз людских в меня и мимо
взгляд сквозь пелену времён.
Что ему в том мире зримо,
что угадывает он?..
Не забылось, не поблекло...
Горьким знанием томим,
зря стремлюсь предвидеть пекло –
уготованное им.
Лишь на тех, кто с «кубарями»,
тень войны уже легла
жёсткой складкой меж бровям
напряжённого чела...

1985

МАРШ «ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ»

Забить я не могу,
как давнюю тревогу,
ту зимнюю в снегу
проезжую дорогу.
Печати стольких бед
под окнами бараков –
колес рубчатый след
и отпечатки траков.
Ведя за строем строй,
там марши не смолкали.
Оркестр во мгле сырой
шагал перед полками...
О, скольких плачей звук
сверстали полустанки
в мелодию разлук –
«Прощание славянки»!..
1985

В ГОРОДЕ КУВЕ

Откинув чадру голубого тумана,
над городом лик свой открыла луна.
Восточная песнь, как сура из Корана,
протяжна, печальна и тайны полна.
Здесь чуть не за каждым дувалом обитель,
где живы в преданьях Меджнун и Лейла.
Но я не турист, а вернувшийся житель
в округу войны, что мне домом была.
Под этим высотным лежащая зданьем
та глина, тот плац с одиноким столбом,
где нас наделяла недетским страданьем
«тарель» репродуктора в сорок втором.
Где пели мы песни свои строевые
о том, что «по-сталински встретим врага»...
Далёкие годы мои тыловые,
как память горька о вас и дорога!
Зурна задушевно зудит за дувалом
и девичий голос высок и лукав...
Всё видится мне военрук наш бывалый –
маячит, маячит порожний рукав...

1986

ЛЕТО 1945 ГОДА

Не сводки слушал этим летом
у репродукторов народ,
а «Лучше нету того цвету,
когда яблоня цветёт...».

Куда ни глянешь – гимнастёрки,
солдатский фронтовой наряд.
И всюду бойкий Вася Тёркин
к нам речь свою держал с эстрад.
В садах, на танцплощадках тесных,
скликая медью женихов,
играли «краковяк» оркестры
с войны вернувшихся полков.
Ах, те награды боевые
кругом – у всех до одного!
И те оркестры полковые –
отрада детства моего,
И после горя и страданий
мир снова молод был и свеж.
И столько светлых ожиданий,
и столько радостных надежд...

1986

ПОТЕРИ

Их всё меньше с годами,
редеет строй день ото дня.
Из неравного боя со временем
неотвратимым,
в сумрак лет уходя,
батальоны не просят огня,
ветераны уходят
к погибшим своим побратимам.
А живые, встречаясь
под зеленью майских ветвей,
в День Победы молчат,
фронтовых вспоминая друзей,
и погибших, и тех,
что с годами ушли, поимённо.
Но когда перед ними
молодые проходят полки,
словно юность былую,
встречают опять старики
опалённые боем
свои полковые знамёна.

1986

ВЫПУСКНОЙ БАЛ

Послевоенною порой,
святой и сокровенной,
когда последний залп войны
едва-едва затих,
на выпускном балу у нас
играл оркестр военный.
В далёкой юности своей
не знали мы других.
Там в косах – ленты всех цветов
и платьев ситец тонок,
на гимнастёрках с плеч мужских –
след споротых погон.
Кружил последний школьный бал
мальчишек и девчонок
под вальс, где баянист
играл «Осенний сон».
А на столах – пайковый хлеб,
армейская тушёнка.
Была голодная пора
не больно-то щедра.
Да что еда, в ту ночь, когда
мальчишкам и девчонкам
играет полковой оркестр
до самого утра!

Глядели матери на нас,
на лавках сидя длинных,
счастливых не скрывая слёз.
И только там, вдали,
в могилах спящие отцы –
от Волги до Берлина –
на этот вечер выпускной
явиться не смогли...
А как живётся вам сейчас,
ребята, что вам снится?..
Но верю, в памяти любой,
звуча, не надоест
тот бал прощальный школьных лет,
что длится, длится, длится.
«С берёз неслышен, невесом...» –
играет вальс оркестр.

1986

ГЕРМАНСКИЕ ШЛЕМЫ

В пыли, безымянны и немые,
слетевшие с «высшей» из рас,
стальные германские шлемы
валялись в деревне у нас.
Истлели давно их владельцы
в истерзанной сталью земле.
И этим трофеям умельцы
нашли примененье в селе.
Вписались в наш быт небогатый
они в самоделках простых.
Крестьянки, белившие хаты,
наполнили известью их.
На пугал вздымали, на шест их,
и тем утверждали одно:
всем замыслам вражьих нашествий
окончиться так суждено.

1987

ТО ВРЕМЯ

Серпастый герб на здании почтампта
былой страны, ушедшей в забытье,
державы, павшей без сраженья, – там-то
осталось поколение моё.

В том времени застоя и пороков,
и как ещё его ни назови,
был звёздный час
коротких наших сроков:
военных детств, взросленья и любви.

И все успехи наши и обиды
в той стороне остались навсегда,
где от полярных чумов до Тавриды
всеобща были праздник и беда.
Победы знамя средь руин и гари,
народов дружба, целины транзит
и в космос взлёт, что совершил Гагарин, –
всё времени тому принадлежит.

1989

ПОКАЯНИЕ

Мне каяться не в чем,
я мало грешил на земле,
тому поклоняясь,
что было святыней не ложной...
И всё же покаюсь
перед этой звездой во мгле
и отчим порогом,
и пыльной травой придорожной.
Томим всё сильнее
желанием день ото дня,
долг памяти давней
вернуть покаяньем сердечным
перед старой крестьянкой,
что в стужу согрела меня,
и хлеб разделившим со мною
солдатом увечным...
И теми, кого мне
обидеть пришлось на веку,
и перед родными,
с потерей которых свыкаюсь...
Пред ними, дарившими радость,
любовь и тоску,
перед всем белым светом –
покаюсь, покаюсь,
Покаюсь!

1991

Я оприходую поздний улов
мыслей моих в переулках ночных...
Детство грызёт замусоленный жмых
в сопровождении песни без слов.

Снова аукнется лета пора
грохотом тока, ржаною трухой.
Сорок шестой...

В деревеньке глухой
каждого горе коснулось двора.

Сплыли года, как стволы по реке,
послевоенных страданий и тризн.
И до копейки уплачен акциз
веку за горечь в моём узелке.

1992

Я ПОСЕТИЛ ОПЯТЬ

С душой, истерзанной боязнью
увидеть прах и пустоту,
где голосов был шумный праздник,
исполнил всё же я мечту.

Пришёл под кроны вековые
серебролистных тополей
во двор, где сны мои бывшие
ещё витают средь ветвей.

Ни сада нет уже, ни дома –
обитатели нещедрых лет...

Но сколько здесь ещё знакомых,
святых и горестных замет.

Сарай, что нашей был столовой,
ветх, одинок и так нелеп
среди творений жизни новой...

Он помнит тот пайковый хлеб.

И наши голоса, и страсти
живут в нём. Но давно уж снят
тот, с благодарностью за счастье
вождю усатому, плакат.

И угол в дебрях травостоя
каким-то чудом уцелел,
где книги я читал запоем,
далёк от бед земных и дел.

Мне кажется: ещё мгновенье
и зазвучат здесь голоса...
Но только шелест, только тени
ветвей, закрывших небеса...
1993

УЛИЦА ВОРОВСКОГО

Други детства моего неброского,
где ваш след на пыльной мураве?..
Мне бы – вновь на улицу Воровского
двадцать два, к детдомовской братве.
Но не мимолётно, не попутно,
а вернуться, как в родимый дом...
Так мне ныне в мире неуютно,
вписываюсь в эту жизнь с трудом.
Всё не то вокруг меня творится,
всюду – то раздоры, то бои.
Снятся по ночам мне ваши лица,
сверстники далёкие мои.
Не вернуться мне в родную стаю,
Не сыскать с огнём средь бела дня...
Пропадаю, братцы, пропадаю!
Где ты, лет растаявших родня?
Покричи сквозь мёртвое пространство,
позови на дальнем берегу,
где живут любовь и постоянство...
Я обратно в детство убегу.
В сирое, голодное, босое,
где просты и ласковы слова
и студёной раннею рососою
ноги луговая жжёт трава.

В том далёком, в том послевоенном
времени, что было наяву,
что в запасе неприкосновенном
мне хранить, покуда сам живу.

1998

НОСТАЛЬГИЯ

Город детства, базарная площадь
в давнем послевоенном году...
Там была и добрее, и проще
жизнь, познавшая боль и беду.
Гимнастёрки вокруг зеленели
и сновали в июльской пыли,
словно голод, привычны шинели,
достоверны, как стон, костыли.
Пацаны всех поили от пуза.
Кружка – гривенник, вся недолга!
И в руинах ещё пол-Союза,
но какого свалили врага!
Как возвысила всех нас Победа,
благость мира владеет страной.
И не скоро ещё будем ведать
то, какой он достался ценой.
И беда, и мечта, и томленье,
глаз людских доброта и тепло.
Удивительное поколение,
ты куда безвозвратно ушло?..
В райских куцах лежат твои мощи...
В мире том, что с годами – родней,
не смолкает базарная площадь
в глубине тех истаявших дней.

Этот бедного времени рынок,
заунывные песни калек...
Меж повозок и глиняных кринок
этот день, эта жизнь, этот век.
1998

«БУРЖУЙКА»

В тьме барачков, в теплушках, в дежурках –
свет небесный, кормилицу-мать
называли мы словом «буржуйка»,
а её бы «солдаткою» звать.
Для железной её оболочки,
чтоб огнём полыхало нутро,
всё годилось: кастрюли и бочки,
и чугунный казан, и ведро.
Колченогая, с виду сурова,
с жестяною «коленом» трубой,
в скудном быте военного крова
была связана с нашей судьбой.
Всюду сердцу людскому отрада:
и в голодной страде тыловой,
и в блокадных ночах Ленинграда,
и в землянке, в полях под Москвой.
Говорливую, в огненном пыле,
каждый печку душевно любил.
Её стулом последним топили
и крестами с германских могил.
Хлеб промёрзший на ней согревали,
концентрата варили паёк.
И из чайника всласть разливали
по жестянкам крутой кипяток.

Кипяток – уникальное средство:
он – лекарство, еда и питьё.
Согревал он военное детство,
беспризорное детство моё.
Вижу снова её, как живую,
только память тревожную тронь...
Тихо песню поём фронтовую:
«Бьётся в тесной печурке огонь».
С нами вместе отпев и отплакав,
путь с народом пройдя сквозь войну,
печь блокады, землянок, барачных
в тяжкий час согревала страну.
Вся в окалине, в ржавых чешуйках –
ей в музей бы – оружие подстать...
Называли мы печку «буржуйкой»,
а её бы «солдаткой» назвать.

1999

ВETERАНЫ

Шагают шатко старики,
сидят на лавках вдоль обочин.
И как-то верится не очень,
что подчинялись им полки.
Что были в их стальных руках
судьба войны, тылы и фланги.
Но на потёртых пиджаках
сверкают орденские планки.
Но ты на глаз прищур взгляни
под их бровями с сединою:
как будто всё ещё они
следят с КП за полем боя.
Порою выдаст властный жест
дедулю в пиджаке свободном...
И только в дни больших торжеств
их призывают всенародно.
Спокойно глядя на юнцов,
что позументом отливают,
мундиры старых образцов
они на праздник одевают.
На них потрескались ремни,
но не музейным нафталином
пропахли маем и Берлином,
и дымным порохом они.

Я СПАЛ НА ЗЕМЛЕ

Я спал на земле
у стены деревянной барака.
Внизу подо мной
еле слышно струились ключи.
Вверху серебрился
весь звёздный простор Зодиака.
Трещали цикады
в густой андижанской ночи.
Меня обнимала
арыка проточная влага,
и ноги босые
обсело гуртом комарьё.
Намаявшись за день,
голодный, бездомный бродяга,
я спал на траве,
одурманенный духом её.
А в дальних краях,
за чертой азиатского мрака,
гремела война,
и, вздымаясь кровавой волной
из бездны её,
достигая клетушек барака,
вселенской беды
шёл приглушенный гул надо мной.

Я был одинок.
Стлалась темени чёрная риза
над всем городком,
где дувалы проулков глухи.
В отчизне Меджнуна,
под небом Джамии и Хафиза
я спал на земле...
И во мне пробуждались стихи.
2000

ВСЕОБЩНОСТЬ

Я в жизни не считал процента
судьбы, где благодать быть должна.
Но весь я там, близ эпицентра
с названьем огненным – «война».
С тем веком мы уже расстались,
но жизни главная стезя
там начиналась, где остались
и мать, и братья, и друзья.
Там было главное богатство:
среди утрат, смертей и мук
одной страны великой братство,
людских сердец единый стук.
Всеобща – радость и печали,
и боль, и свет великих вех...
Там День Победы мы встречали
не порознь, а один – на всех.

2001

СОЛОВЬИ

Та песня, которой Фатьянов
на фронте слова написал,
в тылу не сходила с баянов:
напев её души спасал.
Во тьме обветшалых барачных
ансамбль Александрова пел.
Вертелась пластинка, и плакал
сход женский, что беды терпел,
с войны, на судьбу уповая,
ждал весточек, хоть полстроки...
Им виделась передовая,
где спят на заре мужики.
За шаг – до бессмертья, до славы,
до «безвести», до лагерей...
Под спящими – майские травы,
над ними звенел соловей.
Ах, птица, как трель твоя куца,
как сон, что сморил на росе...
Солдаты с Победой вернутся,
но только не каждый...
Не все...

2003

ФЕДОРОВКА

Федоровка, в судьбе моей вышит
стих твоей немудрёной строки...
Черепичные красные крыши,
и вдоль рельсов – посадки стежки.

Осень. Послевоенное поле,
где колхозу помощники мы.
Вкус картошки печёной – застолье
и вечерние звёзды из тьмы.

Дым присохшей ботвы сыроватый,
свет надежд, гревший нас изнутри.
И победный тот год – сорок пятый,
приказавший душе: – Отомри!

2004

ПЕТУШОК НА ПАЛОЧКЕ

Вовсе не для галочки
расскажу о нём...
Петушок на палочке
в детстве был моём.
Петушок на палочке –
слаще всех сладостей.
И подарком радостным
был он для детей.
Красные, янтарные –
в солнечном огне
мама в дни базарные
приносила мне.
И мальчика счастливого
взгляд встречал его –
знак неприхотливого
мира моего.
В сорок третьем сгинула
мама в дни войны.
Столько лет уж минуло
мирной тишины.
Зорька шла за зорькою –
вот уже я стар...
Будит думу горькую
этот сладкий дар.

Дождь строку за строчкою
пишет на стекле.

Безымянной точкою
мама на земле,
в поле или в балочке,
где растёт осот...

Петушка на палочке
мне не принесёт.

2005

ПАМЯТИ ФРОНТОВЫХ ДЕВЧАТ

Когда враги нагрянули в страну,
они со школы, с выпускного бала,
ушли с парнями вместе на войну,
в гром и объятья огненного вала.
Четыре года шли из боя в бой
усталые и хрупкие девчонки.
Других спасали, жертвуя собой,
к мужским свои прибавив похоронки.
К вам голос мой, девчата мирных лет,
других судеб и новых поколений,
не забывайте тех, которых нет,
погибших, не познав любви весенней.
Свой крестный путь, что порохом пропах,
из года в год, не ведая идиллий,
они прошли в кирзовых сапогах,
чтоб вы в модельных туфельках ходили...
Когда стою у Вечного огня
в столице ли, в посёлке ли безвестном,
уводит память горькая меня
к солдатским обелискам повсеместным.
Девчонок вспоминаю фронтовых,
Простых, обыкновенных и великих,
и вижу в лицах девушек живых
бессмертные и дорогие лики.

БЫЛЬ

Шёл полк, чтоб выполнить задание,
путём, оледнедым всклень,
сквозь женское многостраданье
безмужних русских деревень.

Шагал, оставивший любимых
в краях далёких в страдный час,
и нёс в глубинах душ незримых
тоски и нежности запас.

В печали слышали глубокой
юнцы, почти что ребяшня,
слова девчонки одинокой:

– Солдатик, полюби меня!

О, эти вскинутые руки
колонне, проходившей вслед.

Тот жест отчаянья и муки
не стёрся в веренице бед.

И две слезы в глазах огромных,
как два проклятия войне,
с древнейшей прямою нескромных,
извечных слов живут во мне.

Но уходили батальоны
сурово-серые, как дни,
прочь от любви неутолённой
на голос вражеской брони...

С годами многое забылось,
переболело и ушло.
Что притупилось, что простилось,
что искупление обрело.
Но ту девчонку у дороги
всё вижу на закате дня
с мольбою бабьей изнемоги:
– Солдатик, полюби меня!
2007

КАССИОПЕЯ

Был смутен, как нерадостная весть, я,
собою неказист и ростом мал.
И поглядеть на звёзды и созвездья
я голову не часто поднимал.
Меня дела заботили иные,
влекли к себе соседские сады.
И не давали помыслы земные
понять очарование звезды.
Но лейтенант, девчонка-фронтовичка,
пришла в детдом – наставница моя.
И поражала нас её привычка
лелеять взглядом звёздные края.
И, обрывая мысль мою о хлебе,
в густеющей вечерней синеве
она мне показала вдруг на небе
тот странный знак – созвездье «дубль V».
И слаще яблок, что манили, спея,
был колдовской, запомнившейся мне
из уст девичьих звук: «Кассиопея!» –
в июньской деревенской тишине.
Вдруг позабылись в том предночье лета
голодный быт, поры военной боль
и вездесущий Сталин на портретах...
Была лишь звёзд мерцающая соль.

А девушка с восторгом говорила
о дальних неизведанных мирах.
И слов её чарующая сила
с меня земной отряхивала прах.
Ещё на ней – погоны, портупея...
И, как живая память о поре,
из детства светит мне Кассиопея
над ясенем в детдомовском дворе.

2007

Остриженная «под нулёвку»,
толпой, ломая строй по два,
рывалась с топотом в столовку
неугомонная братва.

Мне помнится:

на окнах льдинок седой узор
и этот звук –

кирзовых стоптанных ботинок
по полу дробный перестук.

Войны оконченной подранки
без матерей и без отцов,

детдомовцы одной чеканки,
все – сорванцы из сорванцов,

Храня военных лет привычку,
хлебая суп голодным ртом,

съедали мы сперва «водичку»,
а гущу скудную – потом.

И вычерпав до капли юшку,
доволен каждый был сполна,

пайковую схватив горбушку:
казалась всем крупней она.

Нам подчиненья был неведом
закон и ненавистен строй!

Нас оставляли без обеда
да и без ужина порой.

Хотелось есть и обогреться...
А над дверьми плакат царил.
За счастье радостного детства
он Сталина благодарил.
О, время радостей мгновенных!
Надежд упрямых первоцвет
нелёгких дней послевоенных
и сокровенных детских лет.
Давно ты в мире отзвучало...
Но жизнь моя тобой полна.
Детдом – судьбы моей начало –
на все земные времена.

2007

БУДНИ ТЫЛА

Мне небо ничего не обещало.
И потому не в плоти облаков –
взгляд по земле мой шарил обнищало,
ощупывая площади дворов.
И был он рад и корке, и очистку,
и всем другим съедобным мелочам...
Я получил бы под землёй прописку
в юдоли той, когда б не замечал,
что к станции, где ждали эшелоны
с зияющими зевами дверей,
всё новые шагали батальоны,
грузили пушки новых батарей.
Вползали танки вверх по брёвнам шатким,
моторов рёвом наполняя дни.
И прогибались крепкие площадки
под тяжким грузом танковой брони.
И рассыпали наигрыш тальянки
(к Германии приблизилась война!),
старинный марш «Прощание славянки»
играл оркестр с утра и дотемна.

2012

ВСТРЕЧА С ЧИТАТЕЛЯМИ

Эта встреча скоротечная...
Ритуал её не нов.
Тишина библиотечная,
двадцать стареньких столов.
С популярностью невенчаннЫЙ,
к людям я стою лицом.
А передо мною женщины,
пожилые, в основном.
Вот седая молча слушает,
подперев рукой щеку.
Где мы с ней своими душами
прикасались на веку?
Может, в марте сорок третьего
у неяркого огня,
в хате, где она приветила
беспризорного меня.
Или в мае сорок пятого,
тем победным шумным днём,
где мы слёз своих не прятали
в ликовании одном.
Словно память коллективная,
эта встреча нам дана.
Между нами неразрывная
связь с названием война.

Я НЕ ХОДИЛ НИ РАЗУ В БОЙ...

Я не ходил ни разу в бой,
где лютовала смерть слепая.
Но с детства всей своей судьбой
я к сорок первому припаян.
Забыть ли яростный тогда
вой «Мессеров» до исступленья,
когда везли нас поезда
по чёрным шпалам отступленья.
Мне взрывы не тревожат снов
теперь, когда беда далече.
Но знаю: каждый год сынов
скликает Родина на вече,
кто на своей передовой
погиб, страну прикрыв собою,
в боях под Ржевом и Москвой.
Их жизни прожиты и мною.
Я близко видел тех ребят,
чей подвиг вечно будет с нами.
Они со мною говорят
простыми, честными словами.
И в знак того, когда уйду,
что с ними связан я войною,
красноармейскую звезду
поставьте молча надо мною.

2017

1.

Не все ещё песни
о времени том мы пропели.
И я перед всеми в долгу,
кто тогда уходил
со школьного бала –
в объятья солдатских шинелей
из первого боя –
в безмолвие братских могил.

Из всех гимнастёрок
торчали их шеи худые.
С германской бронёю
они повстречались в бою.
Своими телами
мальчишки закрыли Россию,
своими сердцами
страну заслонили свою.

От Бреста до Волги
уснули, не зная побудки.
И там, где песок
материнские слёзы прожгли,

из каждой слезы
прорастают весной незабудки,
как вечная боль,
безутешная память земли.
А в школах, как прежде
ликуют балы выпускные
и старые вальсы,
как в том, сорок первом, звучат...
Века пролетят,
и придут поколения иные.
Но вечный огонь
не угаснет над прахом солдат.

2.

В солдатском строю
по велению военного дня
они уходили
с прощального школьного бала.
Одиннадцать вёсен
от них отделяли меня...
Потом оказалось:
нас целая жизнь разделяла.

2019

* * *

Знаю, от хворей мне не откреститься,
тех, от которых страдает наш век.
Резко кричит незнакомая птица,
словно попавший в беду человек.
И беспокойством среди благозвучья
крик тот гортанный врывается в тишь.
Падает лист, натываясь на сучья,
в травах шуршит одинокая мышь.
Тучи плывут строем белых флотилий
из полутьмы в этот утренний час...
Веку жестокой ценой заплатили
наши отцы... Не минуло и нас...
Мир многоопытный и многодумный
прочно стоит, непреклонен и прав.
Что же тот крик, словно голос безумный,
просит у веток, у листьев и трав?
Кем безмятежью лесному он вручен
напоминая о бедах земных?..
Крикам страдальцев бессчётных созвучен,
не сохранён ли он в память о них?
Словно душа, отделившись от тела,
острою болью пронзив забвенье,
птица кричавшая вдруг полетела...
В завтра ли, в прошлое ль время моё?

СОДЕРЖАНИЕ

«Как бы добра ко мне жизнь ни была...»	3
Я умру пацаном.....	4
«За прозрачным перелеском...»	6
Мне бы в детство...	8
«Всё, что было когда-то...»	9
Поезд памяти моей	10
«При керосинке в спальне стылой...»	11
Налёт	12
Вальс	13
Санитарный эшелон.....	15
Я не забуду те ладони...	16
Корыто	18
Фронтные песни.....	19
Весы добра.....	20
Зимой 1942 года.....	21
Обман	22
Победная весна	23
Рождь 45-го года	24

Признание	25
Вот врага мы победили.....	26
«Этот с давних лет детдома...»	28
Послевоенное	30
«Возвратились порохом пропахшие...»	31
Померла у нас баба Елена	33
Не только о хлебе	35
Теплушка	36
Семена вяза	37
Картошка	38
Базарные коврики.....	40
«Пристань далёкого детства...»	42
Первые стихи	43
«Детством овладевшая моим...»	44
«Забудутся любые имена...»	45
Военные оркестры	46
Довоенные фотографии.....	48
Марш «Прощание славянки»	49
Боль утрат	50
В день Победы	51
В городе Куве	52
Лето 1945 года	53

Потери	54
Выпускной бал.....	55
Германские шлемы	57
То время... ..	58
Покаяние.....	59
«Я оприходуя поздний улов...»	60
Я посетил опять... ..	61
Улица Воровского.....	63
Ностальгия	65
«Буржуйка».....	67
Ветераны	69
Я спал на земле	70
Всеобщность	72
Соловьи	73
Федоровка	74
Петушок на палочке	75
Памяти фронтовых девчат.....	77
Быль	78
Кассиопея.....	80
«Остриженная «под нулевку»...»	82
Будни тыла	84
Встреча с читателями	85

Я не ходил ни разу в бой.....	86
«Не все ещё песни о времени том мы пропели...»	87
«В солдатском строю...»	88
«Знаю, от хворей мне не откреститься...» ...	89

Литературно-художественное издание

Михаил Матвеевич Каменецкий

ОТКРОВЕНЬЕ ОБУГЛЕННЫХ ЛЕТ

Компьютерная вёрстка — О. Сотникова
Корректор — О. Мартынова

Подписано в печать 7.06.2021 г.
Формат набора 70х90/32. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ л. 3,87.
Заказ № 562. Тираж 300 экз.

Отпечатано
в АО «Воронежская областная типография»
394071, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 73а.
www.oblprint.ru
тел.: 8(473)20-20-900, 277-75-77